

С.П. Глинка

**Методология многоуровневого анализа
посткоммунистических трансформаций**

**Редактор – к.э.н. Шейнин Э.Я.
Корректор – Зарецкая И.М.**

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируются такие дискуссионные вопросы методологии анализа посткоммунистических трансформаций, как понятие «переход», исходная и конечная точки трансформации, критерии завершенности трансформационного периода.

Один из устойчивых стереотипов в восприятии социально-экономических трансформаций – сужение объекта исследования до рамок национального государства. Раскрывая ограниченность такого подхода, автор предлагает оригинальную методологию многоуровневого анализа трансформационных процессов, предусматривающую, наряду с изучением национальных моделей трансформации, исследование влияния на них изменений, происходящих на региональном и глобальном уровнях. На основе предложенной методологии дается новая типизация посткоммунистических стран, разрабатываются критерии завершенности посткоммунистических трансформаций.

СОДЕРЖАНИЕ**Стр.**

К критике трансформационной теории	
Трансформация через заимствование. Частный пример стран Центральной и Восточной Европы	
К вопросу о многоуровневом анализе трансформационных процессов	
Типизация объектов исследования с учетом многоуровневого анализа трансформаций	

Конец XX века ознаменовался крупномасштабными общественными трансформациями, протекающими одновременно на глобальном, региональном и национальном уровнях. Особое место в этих процессах занимают посткоммунистические трансформации, анализу которых посвящена многочисленная отечественная и зарубежная научная литература. Однако осмысление этого явления не выглядит завершенным, более того, можно констатировать нарастание своего рода мифотворчества в оценке происходящего. Разработка методологии анализа посткоммунистических трансформаций в силу сказанного представляется чрезвычайно актуальной научной проблемой.

К критике трансформационной теории

Надо ли изучать прошлое? Вопрос риторический, и любой здравомыслящий человек скажет вам, что это делать надо. Не знающий или не понявший свое прошлое человек (страна) практически подрывает основы своего будущего. Но столь понятная на уровне «всеобщего» постановка вопроса почему-то разрешается принципиально иначе, когда речь идет об особенном случае – исходной точке посткоммунистических трансформаций. Она практически не анализируется, а заменяется лозунгом «Поражение социализма в экономическом соревновании с капитализмом – непреложный исторический факт». Все дискуссии практически сводятся к эмоциональным дебатам – хорошо или плохо жилось в то время. Но ведь в научной среде речь должна идти совсем о другом: каким образом эта система смогла столь быстро сложиться в начале 1930–1940 гг., а затем добиться в 1950–1960 гг. выдающихся успехов в экономическом развитии; почему в 70-е годы наступила ее стагнация, а в 80-е годы – стали нарастать кризисные явления.

Социалистическая плановая экономика рассматривается как что-то единое, вне анализа и классификации остаются существовавшие в его рамках различные экономические модели, вопросы о том, как в рамках «того» строя отдельным странам удалось решить важные цивилизационные задачи, и каким образом во всех из них довольно глубоко укоренились ценности человеческой солидарности и справедливости. В результате, как писал в одной из своих работ известный российский ученый Ю.Я.Ольсевич, «сама исходная база начавшегося перехода от госсocialизма к рыночному капитализму оказалась слабо изученной, и о реаль-

ной конструкции разрушенного здания приходится теперь судить по отдельным блокам и балкам, хаотически загромоздившим фундамент неформальных институтов»¹. Как отмечал известный немецкий экономист Г.-Ю. Вагенер, ни на Западе, ни на Востоке на этапе «реального социализма» не было разработано формализованной модели социалистической системы вообще и социалистической экономики в частности. Поэтому и подходы к реформированию в странах Центральной и Восточной Европы после 1990 г. носили прагматический характер и были лишены теоретической базы².

Хочется еще раз подчеркнуть: речь не идет о том, чтобы убедить кого-то в том, что «исходная точка трансформации» была хороша и не требовалось ее глубочайшее реформирование. Все сказанное выше важно не с точки зрения «восстановления элементарной объективности», речь идет о том, что нельзя понять «переход», не определив его исходной точки и, следовательно, причин и предпосылок этого перехода.

Проблемы определения понятия «переход». Конфуций в свое время призывал к «выпрямлению» понятий. Обратим внимание читателя лишь на два важных момента. Первый – представители разных экономических школ имеют существенно отличающиеся друг от друга представления об основном содержании понятия «экономическая система». Следствием этого естественно являются принципиально разные представления о сущности трансформационного перехода. Как это не парадоксально, представители марксизма и неоклассики сходятся в методологии, проповедуя монофакторный подход к различению устойчивых, базовых и переходных систем; для них базовая система – базис, на котором преодолены многоукладность и неоднородность. Поэтому и «переход» для них – это программа, направленная на скорейшее утверждение «совершенной» среды хозяйственной деятельности: рыночная экономика с преобладанием частной собственности либо система хозяйствования с господством государственной собственности.

Классическая и посткейнсианская школы политэкономии, пропагандирующие «производственно-продуктовую картину экономической реальности», представляют себе трансформационный переход как постепенное изменение

---

¹ *Ольсевич Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М.: ИНФРА-М, 2007. С.6.

² *Economic Thought in the Communist and Post-Communist Europe.* Ed. By H.-J. *Wagner.* London: Routledge, 1998. P.26.

структурных ресурсных потоков, которые, в свою очередь, формируют структурные параметры производства, потребления и инвестиций, приспособлявая их к изменениям в институциональной среде и экономическом поведении людей³.

Еще большего от трансформационного перехода ждут представители «старого институционализма» – ни много, ни мало – «преобразования всей социально-экономической ткани».

Второй момент, на который следует обратить внимание, уточняя понятие «переход». Картина «перехода» становится еще запутанней, если от стадийно-формационного подхода к оценке истории (марксизм, У. Ростоу, Д. Белл и др.), утверждающего примат экономики в структуре и динамике общества, а также линейно-прогрессивный характер траектории развития и прямое восхождение общества от ступени к ступени, мы обратимся к позициям представителей цивилизационного подхода (Н.Я.Данилевский, О. Шпенглер, А.Тойнби, П. Сорокин и др.). Последние отстаивают первенство духовной сферы – науки, культуры, образования, этики, религии, приоритет системы цивилизационных ценностей, которые определяют мотивацию человеческой деятельности во всех ее ипостасях. Они признают циклично-генетические закономерности динамики общества его фундаментальными основами, неизбежно присущими всякому обществу в прошлом, настоящем и будущем, и имеют свой, существенно отличающийся от господствовавшего в российской научной мысли XX века (да, пожалуй, и сегодня) взгляд на периодизацию истории и будущее человечества. Для них глобальное цивилизационное пространство в каждый конкретный период времени представляет собой «разноцветное «лоскутное одеяло», в котором прочно «сшиты» между собой цивилизации, находящиеся на различных стадиях развития. Цвет этого «одеяла» время от времени меняется: то одни, то другие цивилизации выходят вперед, становятся лидерами цивилизационного прогресса, а другие отходят во второй, третий эшелон⁴. Понятно, что для представителей цивилизационного подхода нет и не может быть «конца истории», «полной и окончательной победы» того или иного строя, да и само понятие «переход» несопоставимо с используемым представителями стадийно-формационного подхода.

---

³ Об этом подробнее см.: *Ананьин О. И.* Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005. С.129.

⁴ Об этом подробнее см.: *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т.1. М.: Институт экономических стратегий, 2006.

Содержание трансформационного перехода. Анализ тенденций современного обществоведения позволяет признать, что в оценке посткоммунистических трансформаций господствующим является стадийно-формационный подход. «Социалистический период развития» в таком случае признается «отступлением» от исторического хода развития человечества (экспериментом, преступлением и т.п.), а трансформационный переход соответственно – возвращением в лоно цивилизации.

Существует четыре теоретических подхода к трансформации:

телеологический подход, рассматривающий создание новой экономической системы как быстрый переход от одного состояния общества и экономики к другому, соответствующему некоему идеалу или проекту; в ходе трансформационного перехода он был отвергнут вместе с опытом строительства реального социализма – эксперимента с использованием широкомасштабной социальной инженерии;

абсолютизированный эволюционизм, реализованный западными государствами в течение нескольких столетий формирования рыночной экономики, использование которого оказалось невозможным в силу значительного сжатия времени к концу XX века;

генетический подход, представленный целым рядом научных концепций: идеей постепенной, поэтапной социальной инженерии К.Поппера, предлагавшего «идти от проблем», методом «проб и ошибок» постоянно осуществлять улучшения вместо того, чтобы стремиться быстро достичь умопостигаемого идеала⁵; базирующимся на необходимости учета объективных тенденций развития подходом Н.Кондратьева к формированию целей и разработке плановых заданий⁶; концепцией «перспективных траекторий развития» В.М.Полтеровича⁷ и др.;

«переход через заимствование» существующих в наиболее развитых странах Запада институтов в надежде на осуществление успешной догоняющей модернизации.

⁵ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

⁶ Кондратьев Н.Д. План и предвидение. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

⁷ Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т.42. Вып.1.

В практике посткоммунистических трансформаций реально востребованы «генетический подход» (Китай) и «переход через заимствование институтов рынка и демократии». В реальной жизни заимствование оказывалось либо формальным (государства постсоветского пространства), либо подкрепленным соответствующими механизмами принуждения к эффективному функционированию (страны Центрально-Восточной Европы).

О социально-экономической направленности трансформационного перехода. Казалось бы для избирающих заимствование как способ трансформации пункт «назначения» определен – развитая рыночная экономика и политическая демократия. Однако нередко при этом вне анализа остаются скромные (а порой плачевные) попытки быстрого преодоления отсталости стран «третьего мира» в 1950–1960 гг., когда эта проблема трактовалась технократически, в духе телеологического подхода. Причем стратегия политики определялась методом «вычитания»: «из значений ряда важнейших экономических показателей (капиталовооруженности, объема инвестиций, уровня образования и т.д.) для развитых стран вычитались соответствующие значения для стран «третьего мира» и тем самым определялись конкретные задачи, причем предполагалось, что «контрольные цифры» достижимы, прежде всего, благодаря изменению потока финансовых ресурсов»⁸.

Мало кто услышал в ходе трансформации слова С.Хантингтона о том, что «Запад – странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли... Запад уникален, а вовсе не универсален»⁹. Гласом в пустыне прозвучали слова известного американского экономиста Мансура Олсона о том, что переход от плана к рынку обнажил «провал» в западной экономической мысли – ею до сих пор не дан ответ на главный вопрос: что представляет собой процветающая рыночная экономика как система?¹⁰

Очевидно, что существуют особые типы рыночно-капиталистического хозяйства. Лозунг о переходе от плана к рынку как содержанию переходного процесса мало что объясняет в таком случае: рынок рынку рознь. О каком рынке мы

⁸ См. *Ольсевич Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. – М., 2007. С.264-268.

⁹ Huntington S. West is unique, and not so universal // *Foreign Affairs*. 1996. Apr. 8.

¹⁰ *Олсон М.* Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. М., 1994. С.8-9.

говорим? Преобладание того или иного типа рынка будет определять специфику складывающейся экономической системы, особую социальную структуру общества и систему мотиваций его членов. Что имеем в результате – рентоориентированную или производительную экономику?

Таким образом, вопрос о реальной направленности социально-экономической трансформации остается открытым. Чего стоит признание избранного Президента России Д. Медведева на V Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 г. о том, что «мы фактически занимаемся последние годы «ручным» управлением экономикой. Такое управление понадобилось потому, что «невидимая рука рынка», на которую возлагались основные надежды после распада СССР, так и осталась абсолютно невидимой во многих отраслях экономики. Свободная игра рыночных сил не произвела ни одного корабля или атомного реактора, ни одного автомобиля или нового самолета, не решила проблемы нищеты, в сферах образования и здравоохранения и т.д.»¹¹. И это, заметьте, по прошествии уже нескольких лет признания мировым сообществом существования в России рыночной экономики.

Надо сказать, что дискуссия вокруг характеристики достигнутой точки трансформации ведется даже относительно таких динамично реформирующихся стран, как Китай. Существует широкий спектр мнений по поводу экономической системы, созданной в современном Китае – от безусловного признания существования некоего отвечающего специфике страны варианта социалистической рыночной экономики (Г.Х.Попов), объяснения позитивного влияния реформенных преобразований в КНР на экономическую динамику исключительно нахождением Китая на этапе индустриализации, давно пройденного Россией и странами Восточной Европы (Е.Т.Гайдар), до полного отрицания такой специфики с объявлением чисто формальной, мимикрической самой приверженности Китая социализму (П.Г.Бунич). Питер Нолан отстаивает точку зрения, согласно которой с конца 70-х годов. Китай «двигался в направлении националистической, руководимой государством, бюрократической рыночной экономики»; В. Полтерович признает за Китаем специфику в тактике реформирования при его общей ориентации на построение «стандартной рыночной экономики»¹²; Л.Кондрашова счита-

---

¹¹ Точки над «и» // Российская газета. 2008.16 февр.

¹² Nolan P. China's Rise, Russia's Fall. In. Economics and Planning in the Transition from Stalinism. Basingstoke, 1995. P.303.

ет, что для Китая как «государства-цивилизации» всегда будет характерна большая цивилизационная специфика. Нам представляется наиболее оправданной и адекватной реальности точка зрения В. Портякова, который считает, что «формирующаяся рыночная экономика в КНР еще долго будет сохранять черты, говоря словами Л. Эрхарда, «принудительно направляемого хозяйства». Это продиктовано как экономическими причинами, ориентацией Китая на модернизацию, требующую высокой степени централизации ресурсов, так и обстоятельствами иного рода (необходимостью контроля за социальной и демографической ситуацией и т.п.)»¹³. «Принудительность» может даже возрасти по мере экономического роста, предполагающего переход к интенсивному характеру потребления полуторомиллиардного населения страны, что в случае победы «свободных рыночных сил» может привести к вселенской катастрофе ввиду ограниченности ресурсов Земли.

Трансформация через заимствование. Частный пример стран Центральной и Восточной Европы

Перейдем от всеобщего к особенному в анализе посткоммунистических трансформаций. Возможно ли заимствование как успешный способ трансформации общества в принципе? Да, конечно, но как показывает опыт постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, для его успешной реализации требуется выполнение ряда условий.

Изучение процессов, протекающих в странах ЦВЕ, чрезвычайно интересно ввиду осуществления ими практически в чистом виде перехода к рынку и демократии через заимствование европейских институтов. О ходе трансформации в этом регионе написано немало научной литературы, причем в России, к сожалению, цитируются, как правило, статьи западных аналитиков по данным вопросам, что нередко ведет к мистификации протекающих процессов (сказываются работа с переводными, нередко в силу высокой динамики изменений устаревшими источниками, преобладание среди авторов переводных работ представителей неоклассической экономической школы). Так, например, широко утвердился тезис о том, что страны ЦВЕ прошли через этап «шоковой терапии». В зависимости от «идеологической» ориентации авторов, этот по сути своей спорный

---

¹³ Портяков В.Я. Экономическая реформа в Китае. М., 2002. С.26.

факт объявляется либо предпосылкой достигнутых на пути трансформации успехов, либо объяснением «горьких последствий поспешных асоциальных шагов».

В работах сотрудников Отделения международных экономических и политических исследований ИЭ РАН убедительно опровергается столь однозначный вывод как применительно к характеру преобразований, так и к анализу причин реальных трудностей, а также реальных достижений, имеющих в странах ЦВЕ. Полонисты ОМЭПИ неоднократно выступали с разоблачением представления о Польше как стране жестко проведенной «шоковой терапии». Достаточно вспомнить, что либерализация цен в стране проводилась постепенно, практически на протяжении всех 80-х годов, а темпы роста потребления в течение полутора лет после завершающего этапа либерализации (вторая половина 1989 г.) превышали темпы роста ВВП¹⁴. Нельзя не вспомнить польский подход к приватизации, которая признавалась экспертами МВФ «нерешительной», а также то внимание, которое было уделено в ходе трансформации усилению роли государства при существенном изменении его функций, созданию экономических основ функционирования мелкого бизнеса, подъему роли местного самоуправления и другим, не предусмотренным «шокотерапией» вопросам.

Еще более интересным является анализ трансформационных преобразований в Словении – стране, создавшей за переходный период самую благополучную экономику. Практические шаги по реформированию экономики здесь, как правило, противоречили постулатам вашингтонского консенсуса¹⁵. Да и в большинстве других постсоциалистических стран ЦВЕ вслед за непродолжительным по времени периодом «создания совершенной среды хозяйствования» наступил этап активного заимствования институтов рынка и демократии под жестким контролем Европейского Союза, перспектива членства в котором стала мотором развернувшихся в странах преобразований.

Европейский союз оказал странам материальную помощь, предоставил финансовые ресурсы (деятельность фонда PHARE, подключение стран к деятельности Европейского банка реконструкции и развития), постепенно начал от-

---

¹⁴ Бухарин Н.И., Сеницина И.С., Чудакова Н.А. 10 лет рыночной трансформации в Польше // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4; Сеницина И.С., Чудакова Н.А. Польша // *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. Т. 3. Ч. II. М.: Наука, 2002; Сеницина И.С., Чудакова Н.А. Польша на пути в Европу // *Современная Европа*. 2006. № 3. Июль-сент. и др.

¹⁵ Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006; Князев Ю.К. Экономический феномен Словении и его уроки: Науч. докл. М.: Эпикон, 2000. 88 с.

крывать рынок для товаров из стран ЦВЕ (специальный преференциальный режим, подписание ассиметричных соглашений об ассоциации и др.), разработал и принял в 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене критерии членства в ЕС для стран ЦВЕ, желающих присоединиться к интеграционной группировке. Копенгагенские критерии предусматривали наличие в странах-кандидатах:

- стабильных институтов, обеспечивающих демократию, законность, соблюдение прав человека и национальных меньшинств;
- функционирующей рыночной экономики, способной выдерживать конкуренцию и справляться с действием рыночных сил в стране и в Союзе;
- готовности и способности принять на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС; согласия с целями создания Экономического и валютного союза.

В 1995 г. была утверждена программа «Подготовки ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза», которая содержала перечень законодательных актов (790), необходимых для интеграции стран ЦВЕ в единый рынок ЕС, а также рекомендации относительно порядка их принятия. Приложение, более объемное, чем основная часть Стратегии, анализировало пути сближения/гармонизации законодательства стран ЦВЕ с европейским правом в 23 секторах экономики и общественной жизни, начиная от движения капитала до защиты прав потребителей. Приложение включало рекомендации по созданию административных и технических структур, обеспечивающих эффективную правоприменительную практику, а также направления и формы технической поддержки, оказываемой странам-кандидатам со стороны ЕС в целях сближения их законодательства с правовой системой Евросоюза.

ЕС разработал индивидуальные стратегии присоединения для каждой страны-кандидата, в которых обозначил для каждой из них приоритеты, конкретные действия и сроки их осуществления. В программу подготовки к членству относительно более развитой Венгрии было включено 88 серьезных задач, Чехии – 90, Словакии – 98, большинства других стран – более 100 задач.

Параллельно с программой партнерства каждая страна-кандидат должна была до конца марта 1998 г. разработать Национальную программу принятия права ЕС с графиком выполнения поставленных задач и определением финансовых и административных ресурсов. В ее составлении принимали участие эксперты из

всех охваченных программой областей, а также представители Европейской комиссии.

Процесс переговоров о присоединении стран-кандидатов к ЕС, которые проводились исключительно на двусторонней основе, состоял из двух этапов:

1) анализа соответствия данного государства копенгагенским критериям членства и достигнутого прогресса в сближении национального законодательства с законодательством ЕС;

2) разработки условий вступления стран ЦВЕ в ЕС, в частности, возможности предоставления странам переходных периодов (отсрочек) для применения норм ЕС.

Таким образом, подготовка к вступлению в Европейский союз стимулировала реформирование экономики стран ЦВЕ. Формальное заимствование институтов (в частности, норм права) в обязательном порядке сопровождалось разработкой механизмов их запуска на национальной почве. В результате перспектива членства в ЕС выполнила роль «внешнего якоря» в осуществлении странами сложных институциональных преобразований.

Очевидные плюсы проделанного пути для стран ЦВЕ – существенное снижение вероятности появления политической оппозиции реформам и объединение обществ вокруг «европейской идеи», четкое структурирование программ развития, получение значительной финансовой помощи, повышение прозрачности принимаемых решений¹⁶.

Для субъектов рыночных отношений из новых членов ЕС среди очевидных положительных моментов – выход их продукции на рынки ЕС без таможенных и иных ограничений, упрощение системы сертификации, доступ к европейскому рынку общественных заказов, иностранным инвестициям, ресурсам финансового рынка, возможность использования европейских структурных фондов для финансирования и поддержки проектов (особенно в случае малых и средних предприятий), доступ к программам ЕС по поддержке научных исследований и прикладных разработок. Следует признать, что большинство преимуществ от работы на

---

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Глинкина С.П.* Центральная-Восточная Европа на пути в Евросоюз //Новая и новейшая история. 2007. №3.

общем рынке страны ЦВЕ получили еще на предвступительном этапе, с этой точки зрения статус полноправного члена ЕС не многое меняет в их положении¹⁷.

Нередко в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому одной из бед российской трансформации, в отличие от трансформаций в странах ЦВЕ, было доминирование политических мотивов над экономическими целями и задачами. С такой позицией можно согласиться лишь частично: ослабление политической составляющей на национальном уровне с лихвой компенсировалось политической обусловленностью практически каждого шага, предпринимавшегося Евросоюзом. Политические мотивы оказывались доминантными при предоставлении странам ЦВЕ финансовой и иной помощи, при определении сроков начала переговоров о вступлении в ЕС, при принятии решений об условиях членства и т.п.

Завершилась ли трансформация, осуществлен ли странами ЦВЕ, присоединившимися к Европейскому союзу, переход? Ответить на этот вопрос можно лишь при условии ясности критериев.

В научной литературе, как мы уже говорили выше, разное видение различными экономическими школами сути перехода предопределяет и разночтения в определении критериев завершенности переходного периода. Неудовлетворительными следует признать не только монофакторный подход, используемый марксистами и неоклассиками¹⁸, но и предлагаемые в современной научной литературе:

- статистический подход (переход завершается по мере достижения страной уровня дореформенного объема ВВП), однако переходный процесс не тождественен кризису;
- формально-институциональный подход (переход заканчивается тогда, когда в общих чертах завершается формирование нового институционального фундамента (А.Нестеренко¹⁹), однако формальное наличие институтов не исключает возможность возникновения «стационарно переходной экономики», о которой убедительно писал Р.Капелюшников²⁰;

¹⁷ Подробнее об этом см.: Последствия расширения Европейского Союза для экономики России/ Под ред. Глинкиной С.П. М.: НИС, 2004.

¹⁸ Убедительная критика такого подхода содержится в работе *Ольсевича Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М., 2007. С. 226-228.

¹⁹ Нестеренко А. Переходный период закончился. Что дальше? // Вопросы экономики. 2000. № 6.

²⁰ Капелюшников Р. Где начало того конца? (К вопросу об окончании переходного периода в России // Вопросы экономики. 2001. № 1.

Р.Капелюшников, В.Тамбовцев и другие исследователи видят переходность экономической системы в преобладании (гипертрофированном развитии) неформальных институтов, в слабости механизмов принуждения к соблюдению формальных правил (law enforcement)²¹, что объясняется как слабостью собственно государственной власти (на этом немаловажном аспекте делает акцент В. Мау²²), так и несоответствием между формальными и неформальными институтами, на которое советует обращать пристальное внимание Д. Норт²³. И пока такое несоответствие будет сохраняться, между декларациями и повседневной хозяйственной практикой будет существовать огромная пропасть. Однако и в отношении этого, наиболее убедительного критерия переходности, можно сделать несколько замечаний. Во-первых, невозможно представить себе какую-либо экономическую систему, существующую исключительно на основе формализованных правил, даже самые развитые рыночные экономики Запада имеют «свою неформальность»; во-вторых, в целом ряде азиатских современных культур неформальные механизмы принуждения к соблюдению правил оказываются не менее эффективными, чем формализованные, или можно сказать иначе: в них неформальные институты реально могут играть позитивную роль.

Говоря о критериях завершенности переходного периода, нельзя не учитывать того, что процессы трансформации протекают одновременно на нескольких взаимодействующих уровнях. Выявление этих уровней и определение взаимосвязей между ними в научном анализе делает картину перехода многомерной. С учетом этого более сложными могут оказаться и критерии завершенности трансформационного перехода посткоммунистическими странами.

К вопросу о многоуровневом анализе трансформационных процессов

Мы согласны с теми, кто считает одним из устойчивых стереотипов в восприятии социально-экономических трансформаций чисто страновой подход, т.е. сужение объекта исследования до рамок национального государства. «Вопросы типа «что реформируется?» или «что находится в процессе трансформации?»»,

---

²¹ Тамбовцев В.Л. О предмете теории переходной экономики // Вестник МГУ. Сер.6. Экономика. 1996. № 3. С.15-22; Капелюшников Р. Указ.соч.

²² Мау В. Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. 2001. № 1.

²³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 56.

как правило, даже не задаются, ибо само собой подразумевается, что речь идет об отдельном государстве или о его экономической системе»²⁴. В этих концептуальных рамках отношения трансформируемой системы с внешней средой сводятся, как правило, к двум основным моделям: закрытая национальная экономика и национальная экономика в единстве с ее внешнеэкономическими связями. Вместе с тем, хотя вторая модель расширяет пространственные рамки трансформации, она отнюдь не исчерпывает спектра типологически значимых вариантов. «За скобками – пишет О.Ананьин – остаются как собственно глобальные процессы, так и тип процессов, определяемых как субглобальные: трансформационные процессы, начавшиеся или инициированные на уровне отдельного государства, однако затрагивающие саму структуру мирохозяйственных отношений. Иными словами, речь идет о таких процессах национально-государственного уровня, которые не сводятся к адаптации национальной экономики к мировому рынку, но значимо влияют на сам этот рынок и, в частности, на место данной экономики в мировом хозяйстве»²⁵. Наконец, в век глобализации нельзя оставить без внимания влияние происходящих на глобальном уровне изменений на модели национальных трансформаций, а также процессы регионализации и интеграции как ответы национальных государств на вызовы глобализации.

Мы берем на себя смелость утверждать, что вне многоуровневого анализа трансформационных процессов невозможно раскрытие сути посткоммунистических трансформаций. Предлагаемая нами в этих целях методология предусматривает исследования:

- национальных моделей трансформации в постсоциалистических государствах во всех основных аспектах – экономическом, социально-политическом, внешнеэкономическом (национальный уровень анализа);
- интеграционных и дезинтеграционных процессов, происходящих в трех основных ареалах посткоммунистического мира - постсоветское пространство, страны Центральной и Юго-Восточной Европы, Восточная и Юго-Восточная Азия; практики формирования основными мировыми акторами «пространств под себя» за

---

²⁴ Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005. С.129.

²⁵ Там же. С.130.

счет распространения влияния на постсоциалистические страны (региональный уровень анализа);

- воздействия глобализации и происходящего на глобальном уровне изменения соотношения сил в мире на национальный и региональный уровни преобразований.

Национальный уровень анализа трансформаций чрезвычайно важен и интересен, однако, будучи оторванным от анализа региональных и глобальных трансформаций, едва ли позволяет ответить на вопрос, почему в одних странах налицо качественное развитие экономики и общества, а в других трансформации ведут к крайне слабым результатам.

Существует опасность, отвечая на эти вопросы, оказаться в плену широко распространенных на Западе исследовательских парадигм, в частности, настаивающих на том, что быстрота реформирования и открытость внешнему рынку – залог успеха трансформационных реформ в отдельных странах. Активно конструируются различного рода индексы, демонстрирующие глубину преобразований в посткоммунистических государствах. Так, Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) ежегодно рассчитывается так называемый индикатор прогресса на пути перехода (ИПП). В рамках ИПП степень рыночной ориентации страны измеряется по шкале от 1 до 4,5, где единица означает плановую экономику, а 4,5 – полномасштабно функционирующий рынок. ИПП состоит из нескольких элементов, включая либерализацию цен и торговли, политику властей в отношении конкуренции, характер корпоративного управления, приватизацию малых и крупных предприятий, а также либерализацию банковского и финансового секторов.

Взяв за основу индекс лидеров и отстающих на пути рыночных преобразований, сравним уровень ВВП в 2006 г. в этих странах в сопоставимых ценах с уровнем 1990 г., принятым за 100. Сравнение данных показывает, что две из наиболее отсталых по показателю ИПП страны СНГ – Белоруссия и Узбекистан демонстрируют рост ВВП к уровню 1990 г., равный показателю одного из лидеров перехода – Венгрии (более 140%). Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия и Россия по индексу ИПП находятся на уровне Румынии, Македонии и Албании,

при этом уровни ВВП к 1990 г. в названных странах колеблются в очень широких пределах – от 62% в Грузии до 165% в Албании²⁶.

Как видим, столь высокий уровень формализации ведет к абсурдности выводов. Складывается впечатление, что нередко такие индексы служат лишь одной цели – доказательству неоправдавших себя на практике теоретических концепций. На память приходят слова американского экономиста Д. Бейзлона, который констатировал: «Частная собственность, рыночная конкуренция и прочие достоинства XVIII столетия – все это потеряно в быстрой смене обстановки. Эти понятия перестали быть руководящими представлениями для понимания экономики, и теперь они используются для сокрытия того, что открыто простому наблюдателю. Категории, которые служат для понимания экономики, это – технология, организация, власть, политика... Сила и задачи нации находятся в руках нескольких тысяч человек, которые руководят несколькими сотнями бюрократических организаций, господствующих в экономике. Эти организации и люди ведают перманентной технологической революцией, чем и является экономика»²⁷.

Разговоры о максимальной либерализации, открытости, быстрой приватизации и т.д. приобретают новое звучание, если на них взглянуть с высоты процессов, протекавших на глобальном уровне после развала Советского Союза и возникновения ситуации, когда США стали по существу единственным глобальным игроком, уникальной «глобальной державой» с неопределенными полномочиями, изменившейся сферой компетенций и широким кругом ответственности²⁸.

Оказавшись в уникальном положении, США предложили миру свою модель глобализации, основным инструментом реализации которой стало распространение матрицы «вашингтонского консенсуса», по рецептам которого должна была проходить трансформация экономик порядка 70 стран мира. Модель предусматривала выстраивание подобия глобального государства со специфической эмиссионной (в виде фактической мировой резервной валюты) и налоговой (в форме глобальной дани, которая определенным образом выплачивалась значительной частью государств, к примеру, в рамках системы перманентного глобаль-

---

²⁶ Расчеты сделаны на основе данных World Economic Outlook. 2007. October / International Monetary Fund.

²⁷ *Bazon D.T.* The Paper Economy. N.Y. 1963. P. 357-358.

²⁸ *Неклецца А.* Битва за будущее. Пришествие постсовременного мира. (http://www.intelros.ru/2007/03/15/aleksandr_neklessa_bitva_za_budushhee_sovremennaja_kniga_peremen.html).

ного долга, а потом перераспределялась в соответствии с теми или иными масштабными задачами) системами²⁹. Проект провалился по ряду причин: прежде всего, ввиду оказанного ему сопротивления набирающим силу и активно модернизирующимся Китаем, а также Европейским союзом, попытавшимся усилить свои позиции в мире на пути крупномасштабного расширения и осуществленного беспрецедентного шага – введения европейской валюты, значительно подорвавшей позиции доллара. Ярким доказательством невозможности конструирования равновесной мировой экономики по рецептам «вашингтонского консенсуса» стал азиатский финансовый кризис.

С началом нового века, совпавшим с возвращением к власти в США республиканской партии, политическим руководством страны реализуется иная, принципиально отличная от первоначальной, модель геоэкономической реконструкции мира, в рамках которой на передний план выдвигается программа переустройства военно-политической, а не финансово-правовой мировой инфраструктуры. В сфере же экономики акцент переносится с развития цифровой экономики на контроль над глобальными ресурсами, прежде всего в области энергетики.

Таким образом, перспективы глобального мироустройства многовариантны даже с точки зрения «глобального государства».

Очевидно, что мировая экономика превратилась в экономику глобальную. В хозяйственной и финансовой системах происходят драматические перемены: формируется глобальный рынок, утверждается система ценностей, основанная на финансовой редукции бытия, где деньги – новая мера вещей – замещают пространство хозяйственных операций, постепенно вытесняя прежнее понимание экономической практики на обочину. Рост объема финансовых сделок в мире намного опережает темпы роста торговых операций, оборот ежедневных мировых валютно-обменных операций превысил 1 трлн долл. еще в середине 90-х годов³⁰. Формируется единое финансовое и информационное пространство, происходит «глобализация корпораций».

Еще одна черта глобализации – выстраивание динамичной и в то же время иерархичной системы связей, приходящей на смену существовавшей еще 15-20

---

²⁹ Неклесса А. Антропоток в матрице геоэкономического универсума / Интервью // Русский архипелаг.

(<http://www.archipelag.ru/geoeconomics/postindustrializm/version/antropotok>)

³⁰ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир. 2004. С. 22.

лет назад системы международных отношений. Этот феномен получил название «мировой политики», в рамках которой появляются новые субъекты власти, такие как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции, транснациональные неправительственные организации. При этом происходит деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, проявляется тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных соглашений вместо полноценных договоров; заявляет о себе новое поколение субъектов мировых связей, объединяющих в себе политические и экономические функции. На поверхность выходит феномен сетевой культуры, активно утверждающий себя как в формах социальной организации, так и экономической деятельности.

Меняется роль национального государства, его суверенитет размывается как в пользу наднациональных, так и в пользу локальных структур. Более того, глобализация «растаскивает» государственный суверенитет «вширь», создавая новые экономические и культурные регионы, охватывающие отдельные территории сразу нескольких государств.

В столкновении двух источников власти в условиях глобализации – государства и капитала, государство постепенно «освобождается от обременений государственности»³¹, а власть переходит к геоэкономической системе политико-экономических центров силы. Нельзя не видеть, что Соединенные Штаты Америки сегодня, фактически, приобрели особый статус, являясь на практике глобальной регулирующей державой, «страной-системой», чьи рубежи – не административно-политические границы национальной территории, но зона жизненных интересов, имеющая тенденцию к глобальному охвату. «Страной-системой» – политико-экономическим центром силы является Европейский союз, Большой Китай, вбирающий в себя Гонконг, Макао, а в перспективе и Тайвань, связанный тысячами нитей с диаспорой, рассеянной по всему миру. На историческом горизонте маячат и новые проекты стран-систем.

С распадом Советского Союза и связанных с ним геополитических конструкций появилось пестрое пространство «стран с переходной экономикой», которое в условиях существования стран-систем подбирается новыми геоэкономиче-

---

³¹ Неклесса А. Указ.соч.

скими центрами силы под себя, практически за их счет идет расширение ареала существования стран-систем. Наглядный пример – расширение Европейского Союза на Восток, а с 2003 г. – реализация Евросоюзом Европейской политики соседства, направленной на втягивание в свою орбиту целого ряда стран СНГ.

Типизация объектов исследования с учетом многоуровневого анализа трансформаций

Факт нахождения посткоммунистической страны в поле влияния того или иного центра силы либо создание самостоятельного центра существенно влияет на выбор национальной (региональной) модели трансформации. Применительно к посткоммунистическому миру по этому критерию мы различаем:

Китай – «страну-цивилизацию», расширяющую свой ареал за счет Гонконга, Макао и в перспективе Тайваня; переход для Китая не предполагает достижения конкретной социально-экономической модели: соотношение между планом и рынком, открытостью и протекционизмом, демократией и «принудительным управлением» были и остаются для него инструментами достижения целей модернизации и усиления геоэкономического влияния; на стратегию реформирования решающее влияние оказывают внутренние факторы (социальные и демографические проблемы), а также складывающаяся в глобальной экономике «международная специализация на основе сотрудничества в области факторов производства» (Ювэнь, Жэньвей, 2006);

постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы, признавшие своей важнейшей задачей «возвращение в Европу» через присоединение к Европейскому союзу, что потребовало от них гармонизации национального законодательства с нормами европейского права, заимствования европейских институтов рынка и демократии, обеспечивающих саму возможность присутствия стран ЦВЕ на общем рынке ЕС;

и, наконец, *постсоветское пространство* – зона острой конкурентной борьбы основных геоэкономических центров силы ЕС, США, Китая, а также по-прежнему играющей заметную роль в странах СНГ России. Будучи не способными на современном этапе самостоятельно инициировать импульсы модернизации, эти страны критически зависят от связей с внешним миром на региональном и глобальном уровнях. Преобразования в этом регионе будут в значительной степени определяться трансформацией, проходящей на региональном уровне, т. е.

результатами включения каждой конкретной страны в пространство притяжения того или иного геоэкономического центра силы. Пять постсоветских государств – Украина, Молдавия, Грузия, Армения и Азербайджан, став объектами Европейской политики соседства, заявляют об избранном ими европейском векторе развития, что потребует от них (и уже сегодня является условием подписанных с ЕС Планов действий) реформирования экономики и права по евроатлантическим правилам и стандартам. В принципе сохраняется вероятность «выращивания» мощного, притягательного для ряда участников СНГ центра силы в составе России, Казахстана и Белоруссии в результате реализации договоренностей о формировании до 2011 г. таможенного союза в рамках «тройки». Решение этой задачи, однако, критически зависит от того, сможет ли новый центр продуцировать импульсы модернизации в регионе³². В случае неудачи данного проекта велика вероятность окончательного закрепления на периферии мирового развития большой группы постсоветских государств.

Россия существует сегодня вне определенного статуса: она не укладывается в рамки традиционного национального государства ввиду масштабов территории и сохраняющегося мощного ядерного потенциала, и посему не может быть «реструктурирована под себя» одним из геоэкономических центров силы. В последние годы с очевидностью наблюдается стремление руководства страны восстановить статус России как «страны-системы», что потребует от нее централизации ресурсов и власти, нахождения своего места в международном разделении факторов производства.

Принципиально разное позиционирование в планетарной системе, выстраиваемой геоэкономическими центрами притяжения, приводит к тому, что по форме одинаковые экономические процессы, протекающие в различных группах посткоммунистических стран, наполняются существенно разным содержанием. Приведу лишь один пример. В научной литературе много говорится о позитивной роли иностранных инвестиций в трансформации экономической системы посткоммунистических государств. Статистика свидетельствует, что во всех посткоммунистических странах наблюдается значительное присутствие иностранных инвесторов. По отдельным годам в странах ЦВЕ ПИИ достигали 20% (Эстония, 2005

---

³² Сегодня Россия обеспечивает 2,6% мирового ВВП, 2,3% общемирового совокупного и 0,5% высокотехнологичного экспорта. Страна находится на 62-м месте по рейтингу конкурентоспособности, представленному Всемирным экономическим форумом (World Economic Outlook. 2007. October /International Monetary Fund/. P.209).

г.), а в странах СНГ 50% ВВП (Азербайджан, 2003 г.). Сыграли они огромную роль и в Китае, в частности, в создании экспортного потенциала, сосредоточенного на 90% в пяти свободных экономических зонах, принявших 85% всех иностранных инвестиций. Однако если в первом случае мы можем говорить об иностранных инвестициях как инструменте интеграции экономики стран ЦВЕ в общий рынок ЕС, в случае стран СНГ – о захвате иностранным капиталом отдельных, связанных, прежде всего, с разработкой природных ресурсов, отраслей (а порой и отдельных предприятий), то применительно к современному Китаю речь должна идти об иностранных инвестициях как следствии «силы притяжения имеющихся у страны факторов производства», создающей новую ситуацию «привязки» международного сообщества к государству, обладающему подобной силой³³. Реально существующая привязка международного сообщества к Китаю есть своего рода «новая стоимость», создаваемая «силой притяжения факторов производства».

Как видно из сказанного, вопреки широко распространенному в экономической науке мнению, решающим для посткоммунистических государств в ходе трансформации был не выбор одной из стратегий реформирования – «шоковая терапия» либо градуализм, а сознательное либо принудительное попадание в сферу модернизационного и политического влияния того или иного центра силы либо существование вне его, что, безусловно, не отрицает важности выстраивания «оптимальных траекторий развития» (В.Полтерович³⁴) посткоммунистическими странами.

Возвращаясь к рассмотренному выше вопросу о критериях завершенности переходного периода, можно выдвинуть предположение о том, что стабилизация посткоммунистического государства на орбите планетарной системы, выстраи-

---

³³ По мнению китайских обществоведов, используемое в научной литературе страны понятие «сила притяжения факторов производства» не тождественно понятию «привлечение зарубежных инвестиций». Привлечение иностранных инвестиций является одним из инструментов макроэкономической политики принимающего государства; в случае эффективного осуществления данная политика приносит выгоду экономике данной страны. Притяжение же факторов производства есть механизм размещения ресурсов в условиях экономической глобализации. Наличие в какой-либо стране мощной силы притяжения факторов производства влияет на всю глобальную экономику (Yu Keping/ Globalization and Autonomy in China/ A Paper presented at the Fourth MCRI Globalization and Autonomy Team Meeting at the Munk Centre for International Studies? University of Toronto, 23-25 September 2005 – <http://www.globalfutonmy.ca/global/position.jsp?index> = PP_Keping_ChinaGlobalization.xml)

³⁴ Полтерович В.М. К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // Экономическая наука современной России. 2005. №1(28). С.7-24; Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т.42. Вып.1.

ваемой геоэкономическим центром притяжения, либо формирование страной такой системы самостоятельно, могут рассматриваться в качестве критерия завершенности посткоммунистического переходного периода. Это не исключает даже для стран ЦВЕ, успешно завершивших переходный период в результате присоединения к Европейскому Союзу, сохранения значительной специфики в функционировании национальных экономик и институтов политической организации общества. Сказанное подтверждает ранее рассмотренное положение о неопределенности (многовариантности) конечного пункта посткоммунистических трансформаций.

**Светлана Павловна
ГЛИНКИНА**

С.П.Глинкина – заместитель директора Института экономики РАН, директор Филиала ИЭ РАН – «Международные экономические и политические исследования», профессор Московской школы экономики МГУ им. М.В.Ломоносова, Российско-немецкой высшей школы управления АНХ при Правительстве РФ.

1972 - окончила Московский государственный институт международных отношений МИД СССР

1981 – кандидат экономических наук

1999 - доктор экономических наук

2006 – профессор.

Сфера научных интересов - теория и практика системной трансформации, экономическая интеграция, компаративистика, неформальная экономика; автор 6 монографий, 11 брошюр, ответственный редактор 9 коллективных монографий и научных сборников; всего опубликовано около 193 работ общим объемом более 270 п.л. К числу наиболее важных трудов относятся: «Формирование частного сектора в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы (2000), «Трансформации 90-х» (2002, ответственный редактор), «Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века» (2005, ответственный редактор), «Приватизация: концепции, реализация, эффективность» (2006), «Трансформационные процессы и глобальные экономические изменения» (2007). Имеет публикации в Австрии, Великобритании, СРВ, Германии, Словакии, США, Финляндии и Хорватии.

Глинкина С.П. разработала оригинальную методологию многоуровневого анализа трансформационных процессов, предусматривающую изучение взаимовлияния изменений на национальном, региональном и глобальном уровнях. Создала методологию исследования путей формирования частных капиталов на базе сочетания формальных и неформальных институтов.

Глинкина С.П. в 1994-1998 гг. избиралась членом исполкома Европейской ассоциации сравнительных экономических исследований, в 2001-2004 гг. - членом

научного совета Международного комитета по общественным наукам (Франция);
член правления Ассоциации европейских исследований (Россия).